

Повесть обращается к „государю тихому Дону Ивановичу“ так же, как песня, для которой „батюшка славный тихий Дон“ олицетворяет вольную жизнь казачества:

Как ты, батюшка славный тихий Дон,
Ты кормилец наш Дон Иванович. . .
Как бывало, ты все быстер бежишь,
Ты быстер бежишь, все чистехонек,
А теперь ты, Дон, все мутен течешь,
Помутился весь сверху донизу. . .

И Дон отвечает, что он замутился потому, что „распустил“ своих ясных соколов донских казаков.¹

Идейная близость автора повести к творчеству трудового казачества не могла не сказаться и на его художественном языке. Однако в этом языке следует различать установившиеся средства устной поэзии и образную живую речь казаков, одинаково служившую и создателям казачьих песен, и авторам книжных повестей, и даже нередко донским канцеляристам, составлявшим документы, которые не только обращались в своей среде, но и направлялись в Москву в качестве своеобразной дипломатической переписки.

Казачий быт, с его характерными признаками, отлагался в живом языке выражениями, носившими поговорочный характер, но вполне точно отвечавшими определенным явлениям этого быта. Однако в этих выражениях нет еще той степени обобщенности, которая свойственна не только пословице, но и поговорке как особому виду устно-поэтического творчества. Например, подчеркивая свое бескорыстие на службе московскому царю, казаки противопоставляют себя московскому боярству и поместному дворянству: те служат „с вотчин и с поместий“, а казаки „не с вотчин, ни с поместий, с воды да с травы“, т. е. они на необжитых степных пространствах ловят рыбу в реках и пасут скот на никому не принадлежащей „траве“. Иногда эта юридическая формула подается сокращенно, без первой, звучащей укоризной части: „служим за траву и воду“ или „с травы и с воды“.²

Поэтическая повесть об Азовской осаде повторила и эту поговорку и другую, также приуроченную лишь к определенному случаю; вместе с отпиской повесть придает угрозе толмача Асанки, предрекающего казакам огромные потери от турецкого войска, вид поговорочного выражения: сейчас, насмеяется он, тела казаков „возят каюками, а станут де еще возить и бударами“. Это еще не фольклор, но та изобразительность живой речи, которая открывала широкие возможности для создания и выразительного делового и книжного языка, и художественно обработанных средств устной поэзии. Насколько сильна была склонность своеобразной казачьей речи к особому иносказательному способу выражения, видно, например, и из такой формы отказа казаков (черкесских и манотцких) итти под Азов: казаки противопоставляют свои деревянные городки, которые они будут защищать,

¹ Вряд ли есть необходимость, однако, устанавливать прямую связь между самым введением прощальной речи казаков и несенными мотивами прощания героя перед битвой или перед уходом на долгую военную службу: бытовая ситуация в каждом отдельном случае естественно вызывает появление такого мотива (ср.: А. Н. Робинсон. Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове. Моск. Гос. университет им. Ломоносова. Ученые записки, вып. 118. Труды кафедры русской литературы, кн. II, М., 1946, стр. 68—70).

² Донские дела, кн. II, стр. 155; кн. III, стр. 774 и др.